

18+

ГОЛОС МОРЯ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПРОЕКТ

Анастасия Крылатая
Анастасия Малина
Анна Слабодская
Виттория Аннунциата
Дария К.
Дмитрий Собакин
Екатерина Великанова
Екатерина Смерецкая
Елена Аболишина
Елена Ковалюк
Инна Кружилина
ИннаЕва ИннаЕва
Ирина Колин
Ирина Радченко
Ирма Гиоргадзе
Катя Бузырева
Константин Лобов
Ксения Кожевникова
Ксения Чеснокова
Лера Рубина
Мари Рэм

**Михаил Ассонов
Наталья Алексеенко
Наталья Волкова
Наталья Пилипенко
Николай Могилевич
Оксана Росса
Ольга Коцюрбий
Ольга Савчук
Полина Маламахова
Юлия Васильева
Голос моря.
Благотворительный
литературный проект**

<https://litres.ru/74395134>

ISBN 9785006702011

Аннотация

Вы держите в руках уникальный благотворительный сборник, под обложкой которого плещется море. Больше 30 авторов, сопереживающих судьбе и здоровью мирового океана, написали

для вас свои зарисовки о жизни моря, о связи его с человеком и о влиянии на судьбу друг друга. Часть средств от продажи пойдут в Фонд поддержки и развития экологических инициативы «Компас».

Содержание

Маяк, два брата, Рекс и пара унтов	9
Шторм	15
Все станет водой	30
Сказка о том, как вернулось море	43
Муж смотрительницы маяка	55
Песня жены моряка	58
Поэзия	61
Дыши	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Голос моря

Благотворительный литературный проект

Авторы: Савчук Ольга, Крылатая Анастасия, Виттория Аннунциата, Малина Анастасия, Слабодская Анна, Дария К., Собакин Дмитрий, Великанова Екатерина, Смерецкая Екатерина, Аболишина Елена, Елена Ковалюк, Кружилина Инна, ИннаЕва, Колин Ирина, Радченко Ирина, Гиоргадзе Ирма, Катя Бузырева, Лобов Константин, Кожевникова Ксения, Чеснокова Ксения, Лера Рубина, Мари Рэм, Ассонов Михаил, Алексеенко Наталья, Волкова Наталья, Пилипенко Наталья, Могилевич Николай, Оксана Росса, Коцюрбий Ольга, Маламахова Полина, Васильева Юлия

Редактор Ольга Савчук

Редактор Дмитрий Чачимин

Редактор Екатерина Соболева

Редактор Ирина Радченко

Редактор Дмитрий Алексеенко

Дизайнер обложки Евгений Яцук

Дизайнер обложки Наталья Пилипенко

Иллюстратор Ксения Кожевникова

Иллюстратор Мари Элизабет

Иллюстратор Диана Мазуренко
Иллюстратор Ирина Радченко

- © Ольга Савчук, 2026
- © Анастасия Крылатая, 2026
- © Виттория Аннунциата, 2026
- © Анастасия Малина, 2026
- © Анна Слабодская, 2026
- © Дария К., 2026
- © Дмитрий Собакин, 2026
- © Екатерина Великанова, 2026
- © Екатерина Смерецкая, 2026
- © Елена Аболишина, 2026
- © Елена Ковалюк, 2026
- © Инна Кружилина, 2026
- © ИннаЕва, 2026
- © Ирина Колин, 2026
- © Ирина Радченко, 2026
- © Ирма Гиоргадзе, 2026
- © Катя Бузырева, 2026
- © Константин Лобов, 2026
- © Ксения Кожевникова, 2026
- © Ксения Чеснокова, 2026
- © Лера Рубина, 2026
- © Мари Рэм, 2026
- © Михаил Ассонов, 2026

- © Наталья Алексеенко, 2026
- © Наталья Волкова, 2026
- © Наталья Пилипенко, 2026
- © Николай Могилевич, 2026
- © Оксана Росса, 2026
- © Ольга Коцюрый, 2026
- © Полина Маламахова, 2026
- © Юлия Васильева, 2026
- © Евгений Яцук, дизайн обложки, 2026
- © Наталья Пилипенко, дизайн обложки, 2026
- © Ксения Кожевникова, иллюстрации, 2026
- © Мари Элизабет, иллюстрации, 2026
- © Диана Мазуренко, иллюстрации, 2026
- © Ирина Радченко, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0067-0201-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маяк, два брата, Рекс и пара унтов

Ольга Коцюрбий

Снова ездила навестить двух братьев, косматого Рекса и старый маяк, конечно.

Жёлтая башенка маяка выглядывает из-за белой сопки, приветствует меня. Я машу в ответ. Вдыхаю соль и радость снова быть здесь. Если стоять в тени маяка и смотреть вниз, на море, немного кружится голова.

Навстречу выходит смотритель.

— Ефим Степаныч, как ты? — спрашиваю его, а сама тороплюсь пройти.

— Ничего, спасибо, дочка. — Он открывает дверь. — Заходи уж, замёрзла небось.

Из-за невысокой изгороди, которая в тёплое время года служит ограждением для небольшого сада, выбегает Рекс и с громким лаем кидается ко мне.

— А ну, как я тебя! — Ефим Степаныч замахивается на него рукой, но Рекс его не боится: ставит лапы мне на грудь, норовит лизнуть в лицо.

— Рекс! Хороший! Соскучился? — играючи треплю его за ухо. Он довольно кряхтит.

Ефим Степаныч пропускает меня внутрь, следом заходит сам, а Рекса оставляет снаружи, несмотря на попытки пса

прорваться в комнату.

С последнего моего визита прошло несколько недель, но комната не изменилась: в углу над раковиной на веревке сушатся мужские штаны и тельняшка, на узкой кровати вышита подушка, напоминающая наполеоновскую шляпу. Широкий табурет у окна, на подоконнике — свечной огарок. По стенам висят картины с морскими пейзажами. Высокие сапоги одиноко стоят под винтовой лестницей, ведущей вверх. Ни буфета с посудой, ни платяного шкафа. Вместо обеденного стола — низкий походный столик. У двери примостилась скамеечка, которая служит Ефиму Степанычу одновременно подставкой, сиденьем и предметом скупого интерьера.

— Чаю? — спрашивает Ефим Степаныч и, не дождавсь ответа, ставит чайник на газовую горелку. — У меня и конфеты имеются. Птичка-красничка.

— И я вам с дядей Ваней конфет привезла. А ещё кофе, который вы любите, печенье к чаю, белый хлеб, масло, немного фруктов и так, по мелочи. — Выкладываю всё это на стол. Ефим Степаныч кивает головой, благодарит.

— И вот ещё, — говорю я и ставлю перед ним бутылку рома.

— Ох, и спасибо тебе, дочка. Пунш варить буду, как бабка учила.

— Это как же? — интересуюсь скорее из вежливости.

— Так проще простого. — Ефим Степаныч открывает

ром, наливает немного в стакан, добавляет из чайника горячую воду, кладёт несколько кусочков сахара и перемешивает всё это ложкой. — На-ка, попробуй. Да ты не переживай, стакан я помыл. С мылом, — смущённо добавляет он.

Я улыбаюсь. Пробую напиток и убедительно киваю головой:

— Хорош! И как будто живот тут же согрелся. — Я чувствую, как всё внутри меня наполняется теплом, будто грелку приложили к оголённому телу.

— То-то же. Я его как лекарство использовать буду, — снова благодарит и убирает бутылку в навесной шкафчик. — Ты уж знаешь, какие здесь ветра бывают. Иной раз думаю: ну всё, не выстоит наш маяк, накренится да развалится надвое. Ан нет, стоит тридцать лет и ещё столько же простоит. Я уж буду рыб кормить, а он знай себе будет возвышаться, родимый.

Я думаю про Ефима Степаныча, про добряка Рекса, который вместе с хозяином днём и ночью сторожит белый домик с мачтой и фонарём, про дядю Ваню и его «а вот и Белочка», про тяжёлые волны внизу и белые сопки — про всё, к чему так привязалась в последние месяцы. Слышу, как внутри меня бьётся сердце старого маяка. Я верю: у него есть душа.

— О чём задумалась, дочка? Держи вот, я уж и чаю заварил, пока ты мечтала.

Снаружи раздаётся лай Рекса. А потом и стук в дверь.

— Кого это нелёгкая принесла? — Ефим Степаныч идёт к

выходу, но тут дверь распахивается, и на пороге появляется дядя Ваня.

— А вот и Белочка! — громогласно возвещает он и могучими ручищами прижимает меня к себе. От него пахнет молодым сыром, как пахнет только там, где есть море. — А я завидел твою машину и сразу к вам. Ну, как там в городе? — Он стаскивает с себя тулуп и тяжело опускается на кровать, которая издаёт странные звуки под его весом.

Иногда в шутку мы зовём его Старым Лисом. Прозвище это пристало к нему со времён охоты, когда дядя Ваня गया за лисами и не было ему равных среди других охотников. А ещё он рыжий, как и его брат, но в отличие от Ефима Степаныча носит длинную бороду и длинные же усы, которые до сих пор огненно-рыжие, как лисий хвост по зиме.

— Что ж ты не сказал, старый чёрт, что Маша приезжает. Я бы гостинцев заранее приготовил. Как теперь-то?

— Ну чего ты! Чего! Я и сам уж приготовил, — говорит ему Ефим Степаныч и лезет под лавку за пакетом. — Гляди-ка, дочка. Нравится тебе?

Он протягивает мне сверток. Я беру его в руки. Он мягкий и тёплый.

— Что это? — спрашиваю, обращаясь к обоим старикам.

— А ты погляди. Ну, открой же, давай. — Тут уж и дяде Ване становится невтерпёж.

На улице темнеет. В одинокое окошко заглядывают остатки зимнего солнца, внизу бессильно бьются о камни волны,

их слышно даже отсюда. И от этого, и от того, что меня ждёт сюрприз, моё сердце начинает громко стучать. Ефим Степаныч зажигает лампу и я могу рассмотреть, что внутри. Меховые унты! Не угги, модные нынче, а самые настоящие унты, какие носили нанайцы или эвенки: украшенные полосками цветного войлока, бисерной вышивкой и кусочками песцовых камусов. Внутри — меховая подкладка, подошва из стриженной оленьей шкуры.

— Но как? Откуда? — перевожу взгляд с одного старика на другого.

— Сам сшил, — смущённо говорит Ефим Степаныч и добавляет: — А дядя Ваня спонсировал.

Тут уж дядя Ваня как закричит:

— Сюрприиз! Как мы тебя разыграли, а? Думала, мы забыли про твой день рождения? Ну-ка, примерь. Хочу убедиться, угадали ли с размером.

— Что тут угадывать, когда она сама нам сказала, старый ты Лис. Ты ж у неё в прошлый приезд выпытал, — говорит ему Ефим Степаныч и, обращаясь ко мне, уже мягче добавляет:

— Примерь, дочка. Больно не терпится поглядеть.

Пока я надеваю унты, старый маяк начинает петь. Так бывает каждый раз, когда ночь сменяет день, стены маяка остывают, и он издаёт звуки, похожие на джаз. Я слышу музыку: сложную, мелодичную. Так ещё поют киты.

Встаю на обе ноги, и меховые унты обволакивают их мяг-

ко. Прохожу по комнате вперёд-назад мимо обоих стариков, сидящих на кровати и жующих свои сухие губы. Они не забыли! Обнимаю своих дарителей. Целую их в жёсткие щёки, мокрые от слез. Моих.

— Ты ведь не плачешь, дочка? — Ефим Степаныч смотрит с беспокойством.

— С днём рождения! — добавляет дядя Ваня.

Мы пьём чай с конфетами и печеньем. Я макаю печенье в кипяток. На моих ногах лучшие унты, а рядом — лучшие люди! Один из них заменил мне отца, другой, рыжий, как лис, — дядю. Когда-нибудь я напишу о том, как встретила двух братьев, один из которых живёт на маяке, а второй неподалёку. Про их косматого пса по кличке Рекс и про старый-престарый маяк с жёлтой башенкой, мачтой и фонарем.

Снаружи начинается метель. Ефим Степаныч поднимается по лестнице, чтобы зажечь маяк, а дядя Ваня берёт мою сумку и со словами: «Сегодня у меня переночуешь» идёт к двери. Рекс ставит лапы и норовит лизнуть в лицо. Воеет ветер, гремит море. Но даже суровой зимой нет места унынию там, где есть большие сердца. Любовь. И, конечно же, море.

Шторм

Ирина Радченко

Знать бы, что там уготовила судьба, понимать, к чему ведёт, может, и не сделал бы того, что сделал. Авось, взвесил бы всё, да и махнул рукой, пошёл в другую сторону, обернул свой взор к другим берегам.

Но он не знал. И свернуть не мог.

В свидетельстве о рождении значилось Никита, бабушка кричала Ники, мать звала его Шторм. С ранних лет он был хмур и серьёзен, улыбка настигала его лицо лишь в самые суровые ветра, что разгоняли корабли в родные порты, оставляя море, наконец, в покое. Только покоем это уже было не назвать. Солёность его повышалась до кристаллов на соломенных, выжженных солнцем волосах прохожих, цвет его не имел аналогов, шум волн, обнажавших острые зубья скал, гремел на всю округу. Шторм мог предсказать их со стопроцентной вероятностью, рассказывая отцу заранее, что сети ставить нельзя, порвёт. Отец не любил город, город отвечал ему взаимностью. Слава лучшего сеточника на побережье вынуждала, конечно, рыбаков приходить к нему за новыми сетями или сдавать на ремонт старые, но суровый взгляд и молчаливый нрав пугали и отталкивали окружающих, за-

ставляя избегать встречи даже время от времени. С появлением Шторма всё изменилось. Кодекс моряка вынуждал отца объявлять в порту о предупреждениях сына. Одни удивлялись, другие смеялись, третьи уважали, но всё рыбацкое братство района прислушивалось к словам мальчишки, послушно отменяя выходы в море в обозначенные Штормом даты.

И ветер приходил точно по расписанию. Сводя чёрные тучи как брови, он поднимал воду в воздух, разбрасывая на всю округу, выл, плевался, звал храбрых на бой. И Шторм шёл.

— Ники, — кричала бабушка

— Шторм, — звала мать.

— Оставьте его в покое, — бурчал отец. — Пусть идет, куда хочет.

Несгибаемый ветрами, он крался в известный только ему грот, забирался в крепко привязанную лодку, ложился на дно и закрывал глаза. Чувствовал дыхание моря, вдох-выдох, вдох-выдох, считал его пульс. Вылезал, когда за пределами убежища, набуянившись, море остывало до ровных частот. А иногда, когда позволял свет, он оставался у лодки на берегу, доставал холсты и уголь. Ни одна художественная школа не могла бы похвастать его присутствием на своих занятиях, дар этот был выше. Шторм просто знал, как это делается, сначала он выводил основное, намечал едва-едва, давал предметам прижиться, потом шёл от общего к частному, отрисовывал мелочи, растушёвывал пальцами, доводил

до совершенства, иногда увлекался до того, что последние штрихи наносил в темноте, практически на ощупь. Так, какое-то время назад и с тех пор всё чаще, мать начала находить под кроватью огромных серых китов, суровых кипенно-белых чаек, мелкую и юркую рыбёшку, мелькающую в причудливых водорослях. Подписью художника неизменно была небольшая лодочка в нижнем углу холста. Мать проводила кончиками пальцев, собирала один к другому, обязательно показывала отцу. Тот только хмуро кивал. Знал о Шторме больше остальных. Так он вырос, крепким, молчаливым, выгоревшим до седины. К двадцати он купил себе рыбацкий катер, назвал его «Апостол Андрей», и сделал море профессией.

— Ники, — кричала бабушка.

— Шторм, — звала мать.

Отец дал на катер денег.

Таким, как Шторм, нельзя просто жить на берегу глубоко внутри континентов. Эти души приходят из морских пучин, только жабры их спрятаны внутри, где-то, где стучит сердце. Морю тоже нужна связь с сухопутными, это же симбиоз. Возвращаясь домой из очередного рейса, Шторм ставил катер в док, сдавал на местный рынок улов, подхватывал свой вещмешок и широкими шагами направлялся домой, обнять бабушку, поцеловать мать и пожать руку отцу.

Дом когда-то построил прадед, добрую сотню лет назад этот участок земли достался ему практически бесплатно и

был тогда совсем на окраине села. Много лет они жили отшельниками, изредка выбираясь к людям пополнить запасы провизии и пресной воды. Щупальца городского спрута подобрались практически вплотную к участку, и теперь у дома есть адрес, но он всё ещё стоит особняком от остальных домов, передним краем двора почти касаясь обрыва над кромкой солёного моря. Шторм легко взбирался вверх по улице, вглядываясь в мелькающую среди зелени деревьев крышу. Казалось, только недавно отцвели фруктовые деревья, время летело незаметно, и вот уже в его руках зелёная алыча, как та, которой много лет назад он набивал полные карманы, чтобы, не замечая кислоты, грызть вечерами в своей лодке. Серая крыша давно просила ремонта, Шторм всё обещал отцу взять отпуск. Он улыбнулся синим занавескам и вбежал на крыльцо. Пахло пирогом с капустой. И счастьем.

— Ники, — закричала бабушка.

— Шторм, — позвала мать.

— Крышу надо делать скорей, — сказал отец.

Сделали, не дожидаясь майских гроз и сильных ветров. Отец исподлобья взглянул, нет ли вблизи непогоды, и Шторм повел носом по ветру, приняхался, махнул головой.

рис. Ирина Радченко

— Делаем.

Тогда-то у дома и появились чердак и красная крыша. Вместо обоев мать развесила на чердаке рисунки, их оказалось так много, что часть она сложила обратно под свою кровать, а часть, буквально несколько, отнесла украдкой в музей, показать кому-нибудь, казалось ей, что наброски сына были натуральнее всего, что она видела до. А там восхитились и попросили оставить, показать кому-то из районного центра, она и согласилась, отчего же нет.

Так они и жили, отец плел сети, Шторм ставил их в море, мать сажала в саду цветы и пекла пироги. Бабушка была с ними еще несколько лет, а потом ушла к деду. Сказала, позвал. Шторм тосковал бесконечно, так велика была их привязанность, и с тех пор каждый раз, как шёл в море, опускал туда веночек, что по его просьбе из ивовых веточек плела ему мама. Передавал привет. А в ответ стал находить в сетях большие красивые раковины. Иногда волна кричала ему «Ники!». Так и общались теперь. Отец сделал на кухне деревянные полки во всю стену длиной, и Шторм выставлял туда свои находки одну за другой.

Однажды Шторм пришёл домой с сетями полнее обычного. Радуюсь удаче, он как раз взбегал по горке, ожидая, когда его позовет мать.

— Негодяй, — кричала мать.

— Оболтус, — вторил ей отец.

Шторм замер на мгновение, переваривая информацию, и так и не тронулся бы в ближайшее время, если бы мать не потребовала поймать его уже, наконец, этого злодея, пока он окончательно не вытоптал все её грядки. Шторм сделал пару шагов вперёд, когда аккурат к его ногам выскочил коричневый щенок. Морда и мощные лапы, намекающие, что псом он вырастет огромным, были чёрными от земли. Им потребовалось всего пара секунд, чтобы понять, что станут они друзьями навеки и уже не расстанутся никогда. За грозный вид и сварливый нрав пса нарекли Гром. Первое время тот ждал хозяина дома, и Шторму потребовалось не меньше месяца, чтобы убедить мать, что её грядкам больше ничего не угрожает. Со временем опасения её ослабли, но вытоптанные кусты клубники она не простит Грому никогда. А уже через полгода Шторм стал брать друга с собой. Отец только кивнул.

— Так спокойнее.

А мать с тех пор стала находить новые рисунки. Теперь на фирменной подписи в углу красовался крошечный пес, а ракушки домой Гром приносил в пасти, аккуратно оставляя их в комнате у полок.

Пару раз мать заводила разговор о жене, но Шторм только отмахивался, не до того ему, да и не встретил он никого, а жениться ради женитьбы не станет никогда, и разговоры эти, пожалуйста, больше не начинайте, ему прекрасно живётся и

так, на чердаке с Громом. Мать шла к отцу, но и там поддержки не находила.

— Не трогай, — говорил он. — И без нас поди решится.

К двадцати пяти Шторм стал одним из лучших рыбаков округи. Уважение, с которым парень относился к морю и своему ремеслу, возвращалось ему сторицей. Удача редко отворачивалась от него, и сети приходили полными, а дары моря исключительными. Улов его выкупали задорого, рыба его была великолепна, устрицы — свежайшими.

— Это еще что, — говорил Шторм, — я в следующий раз ещё лучше добуду.

И добывал.

Тот ветер налетел внезапно. Стремительно нагоняя чёрные тучи и набирая скорость, он стал выталкивать на берег зазевавшиеся суденышки, не успевшие добраться до дома.

— Беда, — сказала мать.

Отец уже стоял в дверях.

— Как он не почувствовал-то, — всхлипывала она, но отец уже вышел из дома.

О том, что «Апостол Андрей» не вернулся домой, знал уже почти весь город. Отец подоспел как раз, когда волны достигли такой высоты, что последний причал ушёл под воду. Усиливаясь, ветер забирал последние возможности верить в чудо, небо разрывалось красными вспышками сигнальных ракет, воздух тонул в крике сирен.

— Еще ракет! — Кричал отец, вглядываясь в чёрную мглу ледяного океана через окуляры бинокля. Когда запускать стало нечего, взявшись за руки и растянувшись вдоль берега живой цепью, моряки достали из непромокаемых мешков фальшфейеры. Через несколько мгновений у каждого в руке загорелся ярко-красный факел. Эта земля ещё не знавала такой красоты. Вся береговая полоса, сколько видел человеческий глаз, светилась и звала домой. Одну за одной, они жгли их, сколько хватало сил и сигнальных огней. Где-то вдалеке слышалась молитва, сначала редко, гулко, басисто, она звала других, чтобы лететь ещё дальше, а звать ещё звонче, и вскоре они молились так громко, что этот стройный мужской хор почти перекрикивал страшный гул ненастья.

— Спасатели выйдут только к утру, — крикнул кто-то. — Сейчас нет возможности даже спустить лодку на воду, видимость нулевая.

Отец покачал головой.

— Утром будет поздно.

Молитва оборвалась, повисло молчание. Уже поздно. Но кто решится сказать это вслух, пусть «Апостол Андрей» и был крепким катером, но маленькой щепкой в девятибалльный шторм. Этого не понимал только глупец. И отец.

Через несколько часов кончились фальшфейеры, ещё через час смолкла сирена, к утру стали расходиться неравнодушные. Море бушевало. Раскуроченный берег молил о пощаде. В серых сумерках рассвета виднелась фигура челове-

ка с биноклем у лица.

— Пойдем домой, — прокричала в ухо мать.

— Никогда, — прохрипел отец.

Дождь выливался ещё сутки. Спасатели вышли только к утру второго дня. Не сказать, что шторм сдал позиции, но ливень сбавил обороты, небо прояснилось, и собрав четверых смелых, лодка кинулась в бой. Он обещал, даже поклялся матери, что не вернется без Шторма. Мать умоляла в ответ не ходить, она не может потерять ещё и его. Но она потеряет отца скорее, если он останется на берегу. Это было понятно всем. Если ветер успокоится, на подмогу вылетит вертолёт, но сейчас об этом не может быть и речи. Небо разрешения не давало.

Они бороздили море, пока не кончилось топливо. Несколько раз принимали гребни волн за надстройку катера, но каждый раз ошибались. Они рисковали собой почти четыре часа, готовые к смерти почти ежеминутно, пока наконец экипаж не был вынужден признать поражение и взять курс на берег.

— Ники, — кричала волна.

— Шторм, — звала мать.

— Я не отпущу тебя, — обессиленно шептал отец.

Вертолет летал три дня. Лодки выходили на поиски ещё неделю. Отец сидел на берегу круглосуточно почти месяц. Поверить, что Шторм не почувствовал опасности, допу-

стить, что он знал, что не вернется, но пошёл, принять, что на этом всё кончилось — невыносимо.

Невыносимо.

Мать уже и не вспомнит, когда проснулась от стука молотка — это случилось однажды. Идея сначала казалась ей безумной, но только лишь, может быть, первые дни. Потом она поняла, почувствовала, что другого пути больше нет, родник её надежды иссяк ещё несколько месяцев назад, когда она увидела, что отец не пошел утром в порт, остался лежать.

— Господи, — кричала мать, — не забирай. Что тебе, сына мало? Ловит он там теперь небесную рыбу отцовскими сетями, пока Гром носит в пасти редкие раковины, а бабушка поёт им моряцкие песни. Если даже такие тонут — получается, все безвластны? Оставь! Мне! Мужа!

И вот он пилит брёвна без сна и отдыха, таскает в гору, строгаёт, сколачивает доски, сверяется с чертежами. Когда маяк вырос на несколько метров над землёй и стал заметен с соседних дворов, к отцу начала стягиваться подмога, и дело заспорилось. Дом померк на фоне могучей башни, что возвышалась над обрывом, стал разве что флигелем. День ото дня маяк рос, нарушая маршруты птичьих полетов. Кузнец ковал перила и крышу, стекольщик делал окна, остальные сбивали стены, метр за метром, доска за доской, ступеньку за ступенькой, туда, где они должны будут решить, где возьмут лампу. Ту, которая стоит больших денег, продается только в

столице, и которую они никогда не смогут себе позволить.

— Здравствуйте, — скажет кто-то. — Мы хотим предложить вам выгодно продать несколько рисунков вашего сына. Мы привезли деньги и хотели уточнить, рисовал ли он что-то еще?

— Здравствуйте, — расплается мать.

— Уходите, — скажет отец.

— Пойдите, — закричат остальные.

Столько денег они не видели никогда, их хватит на несколько ламп. И разве не о том же сказал бы сейчас Штурм? Этот маяк спасёт жизни, сотни, может быть, тысячи. Маяку нужен фонарь, тебе ли не знать?

— Никогда, — гулко выстрелит отец. Твёрже самых крепких алмазов его слово сейчас, он не держит никого, кто сомневается и не согласен, он не спорит и не доказывает. Всё решено и обжалованию не подлежит. Никто не посмеет возразить ему, ведь так?

Потупят взоры моряки, опустят плечи под грузом ответственности. Что знают они о горе, что могут сказать о чувствах отца? Лишь ветер, что осушит сейчас им слёзы, лишь море, что кипит в их жилах, лишь чайки, что кричат им «Ники!». Выпрямив строго спины, они сомкнут ряды согласных, плечом к плечу, сплетая бороды в одну. Мы с тобой.

Они закончат его к холодам, когда, сливаясь с морской пеной, небо опустится низко на землю, ляжет снежными тучами, укрывая белым ковром красную крышу. Третью неде-

лю одну десятину улова все как один, кидают в общий котел. Это их воля, и рано или поздно им хватит на лампу, в это верит весь город. Купюра к купюре, монета к монете, сейчас у них есть половина той суммы, что стоит их одно на всех сердце. В музее открыта выставка, она привлечет сюда поток туристов, куда сначала съедутся журналисты, потом искусствоведы, затем коллекционеры. У матери кончились слёзы, у отца воля. Картины не продаются, написано на въезде в город, они не могут больше говорить это вслух.

Так прошла зима, грозная, тягучая, туманная, ледяная. Ровно год назад в такую погоду никто не рискнул бы идти вслед за рыбой, обычно жизнь в порту замирала, растягивая осенние дары до весны. Мизерное количество ясных дней в этом году никого не устраивало. Ещё и поэтому в каждую приходящую с моря бурю теперь жители города зажигают красные ракеты. А ещё моряки — народ суеверный, дай просто знать, что ты ищешь, а легенда найдётся. В городе завелось поверье, со штормом он ушёл, со штормом вернётся, надо только подсветить ему путь. Сменяя друг друга, пока не проявится, они заступали на дежурство, окрашивая небо яркими огнями. И вера их крепла день ото дня. Скорей бы только раздобыть эту лампу — как сверхзадача, как цель всей жизни, как вектор, миссия и мечта.

Она засветилась весной, как раз, когда в садах зацвели тюльпаны, а на деревьях повисла зелёная алыча. В полнейшей тишине лампа впервые, моргнув пару раз, заспорила с

луной, пробивая себе дорожку в темноте и сердцах. Уже и не понять, кто тогда подкинул идею, но она как-то сразу прижилась, и маяк назвали Адреевским, а отца назначили его бессменным маячником.

Два года спустя в порт пришла небывалая буря. Ровно как тогда, она прилетела внезапно, пугая всех своим нравом и выпуская в минуты просветления ярые тонкие смерчи, засасывающие в себя кубометры воды, чтобы вылить их километры спустя. Вторые сутки без сна, поддерживая в лампе свет, отец всматривался в чёрный горизонт. Это была привычка, из тех, что на уровне инстинктов: каждую свободную минуту он брал в руки бинокль в надежде увидеть хоть что-нибудь, напоминающее катер.

— Не может быть, — сказал он и включил сирену.

— Не может быть, — подумала мать и надела плащ.

— Не может быть, — удивились все и спустились к морю, как раз, когда огромный и неповоротливый сухогруз плотно сел подошвой на мель. Никогда ещё эти причалы не встречали таких пароходов. Огромный, встав поперек, он стал живым волнорезом в порту, заслоняя младших братьев от ветра и непогоды. Два дня команда переживала ненастье, им удалось спуститься только на третий, оставив на борту капитана и несколько матросов. Они изучат город, познакомятся с местными, осмотрят окрестности. Они проживут здесь не меньше недели, пока на маяк не заглянет один из членов

команды. Старый боцман, приглаживая черную бороду, по-жмет отцу руку и скажет спасибо, простое человеческое спасибо за всё, что тот делает для моряков. Отец промолчит. Не рассказывать же, в самом деле, что он любил когда-то плести во дворе сети, слушая, как на кухне гремела кастрюлями мать, напевая себе что-то под нос, а рядом возился мальчишка, которого когда-то не так давно они случайно нашли в гроте. И которого больше с ними нет.

— Откуда у вас этот рисунок? — спросит боцман.

— Он не продаётся, — ответит отец.

Боцман не собирается покупать, у него такой есть, он купил его год назад в соседней стране у парня с собакой, который, говорили, потерял память.

Все станет водой

Екатерина Смерецкая

Уже десятую весну подряд Вазген Давидович, как любой уважающий себя отельер (ему нравилось это респектабельное слово, в нем ощущалась солидность и уверенность), занимался одним и тем же увлекательным делом — готовился к пляжному сезону. Под его неусыпным оком закупались новые комплекты постельного белья, нанимались дополнительные сотрудники в ресторан и горничные для уборки номеров, доставались из кладовок и подвала шезлонги и дополнительные пляжные полотенца. Этот год не стал исключением, и Вазген Давидович, владелец небольшой, но очень гордой гостиницы на морском берегу, стоял на задней террасе своего детища с чашкой кофе, щурился от отблесков апрельского солнца, играющего с водной гладью и наблюдал за очисткой прибрежной полосы.

— Опять забыл солнечные очки, — пробормотал он куда-то в аккуратную бороду и отпил обжигающе горький напиток.

В середине весны Вазген Давидович чувствовал, как время песком с пляжа утекает сквозь пальцы, но дел оставалось много — закупка расходников, химии, приемка готовности номеров — список можно продолжать бесконечно. Первые

отдыхающие обычно заявлялись уже на майские праздники: закаленных сибиряков не остановит температура воды в 17 градусов — и верно, почти все номера на первую неделю мая оказались раскуплены. Рабочих рук отчаянно не хватало, хотя на подготовку к сезону были брошены все силы — вплоть до отправки младших сыновей на сбор сухих водорослей с песчаной полосы. Семейный бизнес, как-никак, и радости получения дохода в нём, как ни старайся, меньше, чем упорного труда.

— Арсен, еще справа мусор, за камнем пропустили, — крикнул он сыну.

— Да, пап, — раздался обреченный ответ, и долговязый подросток в темной толстовке понуро побрел к указанному месту, волоча за собой мусорный пакет.

Дни стояли чудесные. Уже иссякли весенние дожди, грязь высохла, солнце еще не угрожало спалить город и людей дотла — только аккуратно оглаживало лица и спины теплыми ладонями, столбики термометров уверенно ползли вверх, обещая жаркое лето. Пахнувший йодом и свежестью брыз легкими касаниями играл с гостиничными флажками и нехотя, без особого усердия, пытался развернуть собранные тканевые зонтики над столами. Неподаляку громко и заразительно смеялись чайки. Вазген Давидович глубоко вздохнул, наслаждаясь прекрасным субботним утром в специально отведенные для этого пять минут, одним глотком допил кофе и, бодро помахивая пустой чашкой, отправился обратно в зда-

ние — к всяческой суете. Через несколько шагов на смену птичьим крикам и шуму волны пришел топот десятков ног, звон посуды и ругань старшей горничной, доносившаяся из помещений для персонала.

Сверкающая гладь еле заметно двигалась, солнце смотрелось в нее, как в зеркало, кроткие волны робко крались к полосе прибоя, тихо накатывались на берег, будто опасаясь после зимних штормов потревожить его покой — и без того нарушаемый шуршанием уборщиков в песке.

Истинная благодать — если смотреть на поверхность, но всегда интереснее смотреть за нее.

Вазген Давидович не был одинок в упорных попытках господствовать над хаосом подготовки к курортному сезону и стремлении завершить все планируемое, и даже чуть больше, но он не подозревал о ментальном родстве в этом желании с весьма неожиданной личностью.

Царь Нептун, повелитель части теплых морей, сидел в рабочем гроте на огромном кресле голубого коралла с обивкой из мягких водорослей и принимал отчеты о проделанной работе от подчиненных. От доклада к докладу его морщинистое лицо становилось все мрачнее, и царь незаметно (как он надеялся), перекладывал несколько облупившийся чешуйчатый хвост на раковине-подхвостке, надеясь найти удобное положение. Хвост сегодня болел больше обычного — никто с годами не становится здоровее, и приемлемая поза никак не находилась.

Советник-оградитель шевельнул густыми усами, от чего они еще сильнее расползлись в воде, и, вильнув сине-фиолетовым хвостом со знаками отличия — определенным количеством малых морских звезд — подплыл ближе к царю.

— Государь, — он учтиво поклонился, — примите доклад о подготовке к летнему сезону.

— Докладывай, — неохотно разрешил Нептун и оперся на ребристый подлокотник, выложенный ракушками.

— Работа идет, — начал советник, — сети расставлены, холодные течения пущены, острые камни по берегу разбираются...

— Что с акулами?

Неудобный вопрос. Оградитель замялся. Даже усы повисли в задумчивости — хотя, казалось, в воде такое невозможно.

— Катраны объявили забастовку, — наконец ответил он и невольно зажмурился на мгновение, ожидая громогласного недовольства.

Но царь только вздохнул шейными жабрами и спросил:

— И чего хотят?

— Говорят, хотят, как дельфины, утаскивать людей дальше от берега.

— Так они же маленькие!

— Я им так и сказал, — кивнул министр. — А они говорят, что из-за размера их никто не воспринимает всерьез.

Нептун задумчиво потер подбородок.

— Ладно, пусть этот сезон работают вместе с дельфинами.
К берегу пошли ядовитых медуз.

— Так они ж...

— Что? — царь начинал раздражаться.

— Ну... Безмозглые.

— Выработать рефлексы не удалось?

— Государь, мы не успеваем. Только что-то получается — они успевают помереть, — подал голос дородный советник просвещения. — Короткий жизненный цикл.

— Тогда по старинке, собирайте в коробки и выпускайте на мелководье, — с нажимом проговорил царь. — А отчет, куда были потрачены выделенные на этот проект силы и чем ваш спецотряд все это время занимался, я от вас потребую дополнительно.

Судя по отсутствию движения шейных жабр на толстой шее советника просвещения дыхание у него сперло.

— Что у нас по борьбе с загрязнением?

Советник здраво-водоохранения, поправив витающие чернильно-синим пятном волосы, выплыл ближе.

— Государь, — он, подобно коллегам, отвесил положенный поклон, — не велите казнить. Обстановка катастрофическая. Погибла треть новой популяции дельфинов, часть вообще отказывается подплывать к берегу.

— Очистительные бригады работают? — царь нахмурился, и снова шевельнул больным хвостом.

— Русалы-санитары, делают, что могут, но объемы сбра-

сываемого пластика только растут. Половина персонала уже в госпитале с травмами хвостов и забившимися жабрами. А еще глотание... У нас ни дня не обходится без десятков промываний желудка рыбам и черепахам. Ампутации, — он удрученно покачал головой, — тоже на потоке, перебитые лапы и хвосты не заканчиваются.

— Вот как мы поступим, — царь мрачнел на глазах, — ту-неядцев-дрессировщиков из проекта по медузам перебрасываем в усиление санитарным бригадам. Вашу стаю, — хмуро обратился он к пухлому, — я расформировываю.

Советник просвещения открыл рот, но, подумав, тут же его закрыл. С царем Нептуном опасно было спорить в минуты плохих новостей.

— Пропаганда поведения в воде вообще работает? — громогласно спросил царь.

Советник пропаганды, самый молодой из косяка советников — практически вчерашний головастик по меркам русалов, поежился и робко выдвинулся вперед.

— Государь, — пискнул он, — мы делаем все возможное, доносим до населения необходимость держаться подальше от лодок, игнорировать цветные кусочки в воде, но...

— Но что опять? — прогудел Нептун и раздраженно потер лоб.

— Сами понимаете, — советник пропаганды смотрел только на песчаный пол, не смея поднять глаза, — память как у рыбок.

Царь потер рукой лицо. Он начинал злиться уже по-настоящему, и вода вокруг него опасно пришла в движение.

Косяк советников переглянулся, и безмолвно пришел к единогласному решению. Про сброс сточных вод сверх нормы договорились пока не сообщать.

Пляжный сезон на побережье теплого моря — неизменно шумное, беспокойное время: дети, таскающие ракушки, мамы с телефонами, папы с пивом и молодежь с дискотеками. Уединения не видать никому и нигде до самого октября, разве что на рассвете, и то, бодрые бабушки — ранние пташки, уже тут как тут с пяти утра.

Жаркий, раскаленный июльский полдень обещал отдыхающим багровые ожоги, повышенное давление и тепловые удары — но предупреждения спасателей останавливали немногих, и на песке, насколько хватало глаз, как говорили те самые бодрые бабушки-жаворонки, «курице негде было клюнуть».

Вазген Давидович каждый год инструктировал персонал на предмет необходимости напоминать жильцам про головные уборы, воду и правило не находиться на солнце с двенадцати до шестнадцати часов, но усилия имели весьма переменный успех. Его не покидала мысль, что сознательные гости и так в курсе предписаний, а бессознательным он ни-

чем не поможет, но не мог иначе — считал это вкладом в благополучие постояльцев. Так же, как и плакаты на пляже и в отеле с призывами «Не сорить!», «Убирайте за собой!», «Мусор в море не бросать!» считал вкладом в благополучие уже моря. Делай, что можешь — таким постулатом руководствовался Вазген Давидович и регулярно выделял средства на закупку мазей от ожогов в каждый номер — включая, разумеется, в стоимость проживания.

По отелю уже катился, как волна на горячий песок, слух о кишечной инфекции — в этот раз раньше, чем обычно, но в своих поварях и поставщиках Вазген Давидович оставался уверен. Нахлебались гости грязной соленой воды, как пить дать. Учитывая множество отдыхающих и количество новых отелей, сбрасывающих стоки тут же, в воду, это случалось каждый год — хотя уровень загрязнения, согласно отчетам, в допустимых пределах. Разумеется.

На заре вселенной существовала только вода, вода — первоначальный хаос, из которого вышло все сущее, и все мы — часть ее. Была ли мать сыра земля поднята богом, выловлена ли уткой из Мирового океана или явлена под копытами небесного оленя, появилась ли из грязной пены — в начале начал все было водой.

И когда-нибудь все станет водой снова.

Возможно, этот момент приближался быстрее, чем казалось на первый взгляд — потому что в июльский вечер того же дня царь Нептун, сквозь толщу воды, в бледных солнечных отсветах заметил огромное мусорное пятно, проплывающее прямо над его дворцом, а его любимая ездová черепаха вернулась с пастбищ без одной лапы.

Подданные болели, с каждым днем становилось все тяжелее дышать — не помогали ни очистительные водоросли, ни перенос течений — вода становилась все грязнее, и скоро вместо санитарных стай понадобились отряды могильщиков.

Раздражение копилось в царе, он почти не спал, раздавая указания — подводное царство настигала катастрофа. Формировались косяки добровольцев, выделялись еще руки и хвосты для госпиталя, вплоть до собственных дочерей — но это все равно оказывалось борьбой с невидимым врагом, что многочисленнее и настырнее подводного народа.

И вот Гэри, истекая кровью, пришла без лапы. Она больше никогда не сможет полноценно плавать. Царь посмотрел на собственный хвост, где с каждым днем становилось все меньше чешуи, на свою младшую дочь, которая баюкала черепаху с защитой культей. На пока еще здорово-зеленой коже русалки появлялись язвы и ранки — не первые вестники наступающей беды.

Царь Нептун закрыл глаза и, не сдерживаясь, вышел из себя, и низкий, отчаянный то ли рык, то ли рев его рассеялся на многие километры под водой. А море, прислушавшись и

поразмыслив, вышло из берегов.

Вазген Давидович старался никогда не пренебрегать прогнозами погоды. Особенно если его администратор под вечер вламывался в кабинет, не дожидаясь разрешения в ответ на стук.

— Вазген Давидович! — худощавый молодой человек в белой рубашке и жилете распахнул двери. — Завтра с утра обещают бурю, смерч и наводнение.

— Все сразу? — спросил тот, не отрываясь от подписания бухгалтерских документов.

— Да, — администратор оправил жилет и откашлялся, — мол, такого побережье еще не видело. Возможно, будет даже землетрясение.

— Что, даже землетрясение предсказали? — он глянул на парня поверх очков.

Вазгена Давидовича новости не удивили. Оповещения о непогоде у моря приходили последние полчаса на все телефоны, — и рабочий, и личный, и средний, новости пестрели предвкушающими ужас заголовками.

— Не сгущай краски, — продолжил отельер, — насколько я помню, мы продлевали страховку.

— Конечно, — ответил молодой человек. — Но у нас полный отель людей, мы на первой береговой линии. А вдруг бу-

дут жертвы? Мы всех в отеле не удержим, еще и куча детей.

Вазген Давидович на секунду задумался. Первая его мысль — отмахнуться, мол, «Сами виноваты, все взрослые люди». Но с другой стороны, у него было четыре сына и некоторое чувство ответственности за своих постояльцев — сарафанное радио есть сарафанное радио. И, хотя таких новостей каждый сезон хватало, чутье подсказывало, что все не ограничится сильным ливнем или шквалистым ветром.

— Организуй на завтра экскурсию в горы. Недалеко, просто чтобы убраться с побережья. Обойдите людей, расскажите, что завтра в отеле будет санитарный день, и в порядке утешения мы предлагаем поездку. Персоналу на завтра отгул, за свой счет.

Администратор поднял брови, но под суровым взглядом начальника только кивнул и отправился выполнять указания.

Вазгена Давидовича почему-то не покидала уверенность, что никто не откажется.

Япония известна ужасающими цунами настолько, что цунами — изначально японское слово, перекочевало практически без изменений во многие языки мира. Но никто не прогнозирует подобное явление в небольших теплых морях — потому как это невозможно, нет таких пространств и сей-

смической активности.

Но то, что происходило тем утром на побережьях некоторых стран, по-другому назвать тяжело, но можно.

Катастрофа.

Первая черно-синяя смертоносная волна, пенясь, с невозможным шумом выбросилась на берег, сгребая в пучину вод все, что нашла: ларьки с сувенирами, пляжные зонты, лежаки и яркие полотенца, термобоксы с кукурузой и уличных прохвостов-дрессировщиков с обезьянами. Люди, животные, деревья, здания — волна хватала всё без разбора, не разделяя ни пол, ни возраст, ни национальность. Мировые воды рассердились настолько, что не находили другого способа сказать, как им больно — и никто не приходит на помощь. Оставалось только изливать ненависть, голодной, яростной хваткой впиваясь во все на своем пути, ведь если тебя заставляют страдать и нет сил терпеть — хочется заставить страдать в ответ.

Жаркое утро на морском берегу обернулось криками боли, ужаса и горькими слезами — потому что соленые различить в том хаосе не представлялось возможным.

Когда же море успокоилось, пожрав все его раздражающее, на берегу сиротливыми пеньками остались фундаменты и в ярости разбросанные сваи — остатки былой роскоши, больше ничего на протяжении нескольких километров. Море организовало себе зону отчуждения и довольно плескалось барашками в прежних берегах.

Вазген Давидович оказался единственным отельером, у кого не пострадал ни один постоялец. Он, конечно, гордился своей дальновидностью, и даже дал пару интервью местным каналам, но отель отстраивать заново не стал, купил на полученные от страховой деньги небольшой гостевой дом ближе к горам и переехал с семьей в ту же местность, занявшись знакомым делом подальше от морского берега. Интуиция, без которой невозможно построить бизнес, подсказывала, что соленые воды никому не рады — да и жена, увидев руины гостиницы, умоляла его уехать поскорее.

Пока всё не стало водой.

Сказка о том, как вернулось море

Полина Маламахова

Когда горело море, люди молчали. У них не нашлось слов ни для молитв, ни для проклятий. Тридцать дней и ночей полыхала чёрная вода, тридцать дней и ночей молчание властвовало над берегами. Меж домами гуляла смерть. Смерть просачивалась ядовитым дымом под двери, забиралась в горло, сжигала тела изнутри. Море больше не могло любить тех, кто его терзал, кто лишал его голоса, закатывал в бетон и железо, кто променял любовь на пользу, а искренность на выгоду. Море умирало. Может быть, оно хотело жить. Хотело, но не могло.

На тридцать первый день на месте большой воды остались только кости и пустота. Большие города обратились в кладбища, да и маленькие заметно обезлюдели. Жизнь съежилась и прибилась к домам людей с сильными руками и стальной волей. Спины их всегда были прямы, а взгляд хмур, но ясен. Они дали бой смерти. Как она ни звала, ни манила, обещая вечный покой, не удалось ей уговорить их лечь на дно, к обгоревшим скелетам морских тварей.

Много-много лет спустя в семье потомков этих людей родилась девочка с глазами цвета зимнего моря. С самого детства её родители не ведали покоя. Стоило им отвернуться,

как дочь смело шагала к открытому огню или тянулась за блестящим лезвием ножа. Когда она стала уверенно стоять на ногах, то сразу отправилась на улицу, проскользнув в чуть приоткрытую дверь. Отец позже скажет, что оттащил её от морды тощей твари, которую соседи называли собакой, лишь за миг до встречи пухлой детской ладошки и острых белых клыков. Девочка не верила. Животные её всегда любили. После того, как сгорело море, звери и птицы необратимо преобразились — кости их проступали рельефом сквозь шкуру, а шерсть превратилась в жёсткую, короткую щетину. Они начали уходить от людей, а те, что оставались, отличались злым нравом. Не было больше диких и домашних — лишь те, кого удалось укротить. Потеряв море, люди потеряли право на верный взгляд и надежный рык, выживание не щадит никого. Часто людей отмечали укусами и царапинами, а девочку не трогали. Всю порцию отпущенной ей боли она получала от своих соплеменников. Многие не могли простить девочке светлых волос, ясных глаз, ловких рук и дерзких речей. А ещё она носила с собой чужой страх — шла туда, где темно, где ещё оставались следы пляски смерти.

По ночам в её сны проникал протяжный гул, похожий на плач, и пронзительные звуки, словно что-то трещало и лопалось одновременно. А ещё раздавалось шуршание и перестукивание маленьких камешков. Эти сны лишали её покоя, и она никак не могла усидеть на месте. Все попытки привлечь её к готовке, шитью или присмотру за соседскими ма-

лышами обращивались разочарованием. Она делала, почти не споря, и делала хорошо, но при первой возможности перекладывала обязанности на другого. А сама сбегала, чтобы спуститься на ставшее пустыней дно и бесконечно долго бродить среди никуда не плывущих рыб.

Родители пытались запирать её, прятать за тяжёлые металлические двери, но она каждый раз находила новый способ сбежать, когда хитростью, а когда дерзостью. Однажды отца встретили дома мрачные лица, плач жены и кровавые отпечатки ладоней на стенах — так его дочь хотела на волю, что не пожалела рук, выкручивая новый замок. С тех пор девочка получила полную свободу, а в довесок к ней и вечную родительскую тревогу, ведь других детей в семье не было. В мире без моря новые люди рождались редко, и каждый становился одновременно надеждой и благом, любовью и болью.

Её сердце билось ровно, даже когда родители кричали. Не просто так рвалась девочка к костяным узорам. Там жила тайна. Между изгибов сухого дна, среди камней мерцал маленький, не больше детского кулачка, ярко-красный шарик. Он всегда сиял где-то вдалеке, так, что увидеть его можно было лишь краем глаза. Девочке никто не читал сказок, потому ей неоткуда было узнать, как опасно идти вслед за сверкающими огнями вглубь темноты. Ей было лишь чуточку страшно и всерьез обидно, что огонек никак не удавалось рассмотреть поближе.

Недалеко от места, где жила её семья, обитала одна старая чудачка. Волосы у неё были седые и короткие, а руки и щеки украшали синие геометрические узоры. Она всегда ходила расстегнутой, не боялась пересудов, говорила то, что думает, и не ждала от судьбы подарков. Полы её длинного то ли халата, то ли пальто, хлопали на ветру, словно в складках ткани поселилась свобода. Женщина жила в доме, полном старых книг, которые другие давно бы отправили на растопку. Но она их читала, так они спасали друг друга. Девочка тоже любила читать, но ещё больше любила слушать и запоминать чужие истории. И она не знала никого другого, кто мог бы ей помочь.

Старая женщина сидела на завалинке у своего дома и сшивала вместе разноцветные куски ткани, чтобы сделать из них одеяло. Она славилась своим мастерством не меньше, чем знаниями и независимостью. Белый кусочек ложился к синему, синий — к темно-зеленому, а тот — к ярко-алому. Глядя на незаконченный узор, девочка почувствовала, как внутри заворочался колючий зверёк.

— Здравствуйте, — какой бы непослушной ни была девочка, в этом мире без моря стоило соблюдать хотя бы вежливость, иначе все бы уже давно легли рядом с рыбами, — а что вы шьете?

— И тебе не болеть. Зачем пришла? — старая женщина не любила долго ходить вокруг да около.

— Я хочу знать про тех, кто живет на дне не-моря!

Женщина отложила в сторону свою работу и посмотрела на гостью внимательнее. Лоб девочки закрывала прямая чёлка; прямыми были и её взгляд, и осанка. На тёмных штанах виднелись пятна грязи, носы тяжёлых ботинок истёрлись, но девочка всё равно оставалась красивой и очень живой. Женщина посмотрела на своё одеяло, красное и зелёное, синее и белое — на отголосок истории, о которой люди не хотели вспоминать. Иначе их спины согнулись бы под тяжестью ошибок предков.

— Дети, которые лезут куда не надо, напрашиваются на большую беду.

Девочка различила в ворчании нотки сомнения и почти улыбнулась. Она поняла, что эта взрослая готова с ней разговаривать.

— Дети, которые сидят на месте, тоже попадают в беду. Вон, у наших соседей умер младенец, а он-то никуда не лез. И сын плотника с соседней улицы сломал руку, поскользнувшись у себя во дворе. Хотя ему стоило меньше кидаться в собак камнями и дергать девочек за косы. Я ходила по узким карнизам развалин и тёмным переулкам и ни разу даже не простудилась. Расскажи мне, что за огонек летает внизу, и почему я никак не могу его поймать?

Старая женщина не торопилась с ответом. Её руки летали над покрывалом, умело сшивая кусочки ткани, и чем дольше девочка смотрела, тем яснее видела, как складывается из лоскутков история. Вот безграничная вода — такого, конеч-

но, не бывает, но девочка всё равно видела, как яркое пламя бежит по синей глади и машут крыльями странные птицы. Вдруг одна из них — тонкая полоска белого — нырнула в кроваво-ржавый кусок ткани, а затем взмыла вверх на гребне огромного изогнутого завитка бирюзы. Взгляд девочки скользнул от края до края полотна, но история закончилась легким нырком иглы.

Старая женщина посмотрела на девочку: худую, в широкой тёмной кофте, болтающейся на острых плечах. Таких должна уносить первая простуда, но в ней теплилось что-то от ушедшей большой воды и корней самых старых деревьев.

— Ты же приманивала птиц?

Девочка быстро кивнула — тогда можно было бы потом сделать вид, что ничего и не случилось. Подпускать близко диких птиц строжайше запрещалось — они часто приносили за собой болезни, к тому же обладали острыми когтями и клювами. Девочка научилась дышать медленно, сидеть неподвижно, и тогда птицы подлетали близко-близко, а иногда даже садились ей на плечи, тяжёлые и лёгкие одновременно. Но девочка всегда уходила подальше от домов. Она умела прятать свои странные таланты, которые так удивляли и пугали её родных. Откуда же старая женщина могла об этом знать?

— Значит, приманивала. — мастерица правильно истолковала молчание гостыи. — Тогда знаешь, что нужно делать. Только помни, опасное это дело, беречь прошлое. Да и

нужно ли оно кому?

Старая женщина провела пальцами по синему узору на коже, и в этот миг девочка заметила то, на что раньше не обращала внимания — витиеватый шрам, прятанный за причудливыми изгибами краски.

— А Вы бы попытались снова?

— Я пыталась много раз, но внутри меня нет места для этого огня. И никто не скажет, есть ли оно в тебе.

Девочка снова посмотрела на покрывало и на руки той, кто его сшил. Девочка подумала, удивительно, ещё недавно такие мысли не забрели бы в её голову, что старой женщине больно носить тайны в себе. И ещё она подумала, что неправильно жить и бояться, жить и ждать смерти, лишь ненадолго отодвигая неизбежное в сторону. Потому она порывисто обняла Старую Женщину и пошла открывать своё сердце последней искре большого пожара. В первый раз ей не повезло. Не повезло и во второй, и в третий. Она вставала всё раньше и возвращалась всё позже.

Она окончательно забыла о домашних делах, а родители вспомнили слова молитв. Они не спорили с дочерью. Мать и отец чувствовали, что скоро она уйдёт далеко, и только им решать, унесёт она с собой их любовь или их обиды.

На пятый раз девочка ушла настолько далеко, что не успела вернуться до темноты. Ночи стояли не слишком холодные и, казалось, не было ничего страшного в том, чтобы закрыть глаза и ненадолго прилечь.

Ей снились цвета, названия которых она не знала. Нежные оттенки зелени, размытые суровой синевой, розовое серебро, мерцающее в воде. Было жарко, липко и хотелось пить. Девочка открыла глаза, и перед ними плясал маленький огонек. Он подпрыгивал вверх, спускался вниз, выписывал восьмерки, оставляя в ночи светящиеся следы. Девочка плохо себя чувствовала, но всё же села и вытянула вперёд руку. Тело её боролось с волнами усталости. Она держала руку прямо, ведь когда цель так близко, нельзя её отпускать. Огонек зашипел, словно засмеялся и шлепнулся в ладонь, заполнил её своим светом, а после осветил и мысли девочки. Её тело было готово обернуться живой свечой, пламя билось о локти и колени, щекотало сквозь одежду ребра, пытаясь забраться внутрь, добраться до самого центра, но девочка боялась. Она стиснула зубы и почувствовала, как испаряются слезы на щеках. Она не любила слез, не умела их отпускать, потому разозлилась, открыла глаза и увидела свои руки. Она вспомнила слова Старой Женщины, и слабым-слабым голосом, таким не похожим на её обычный, уверенный, шепнула: — Заходи.

И огонь вошёл внутрь. Он принёс с собой память о дыме, крике и шипящей боли. Огню было больно считаться врагом, оказаться загнанным в ловушку, превратиться в изгнанника. Горько было стать воплощением страха. Последняя искра помнила смерть моря, но хотела нести в себе свет и радость, хотела играть, греть, веселиться. Однако её пытались

затушить, поймать в стеклянные чашки и железные миски. И никто, совсем никто не хотел её выслушать — все лишь притворялись. Девочка обняла себя за плечи, но на самом деле обнимала огонек.

Усталость и жажда исчезли. На смену им пришло желание бежать. И девочка побежала. Она бежала днем и ночью, почти не останавливаясь, даже спала на бегу, и во сне ей являлись переливы синевы и отблески пламени. Она бежала долго, и небо становилось тяжелее, а краски выцветали до белизны. Девочка не знала зимы, но оказалась в самом её центре. Девочка несла в себе огонь — лёд таял под её стопами, но тепла становилось всё меньше и меньше, словно огонек, наговорившись и наигравшись вволю, засыпал где-то внутри её худенького тела.

Девочка шла по белому полотну. Справа и слева от неё острые ледяные иглы пытались дотянуться до туч, и, когда им это удавалось, плакали белыми хлопьями. Девочка теряла уверенность, но огонёк внутри не позволял ей сдаться — стучал, стрекотал, отказываясь молчать.

И вот они пришли к огромной ледяной глыбе, внутри которой девочка разглядела тёмное пятно. Она приложила горячие руки к прозрачной поверхности, огонек внутри задрожал, вспыхнул, съежился. Но тут девочка сказала ему:

— Мы же шли сюда, верно? Чтобы там ни пряталось, нужно его достать.

Она прижалась к глыбе всем телом, вспомнив Старую

Женщину, редкие улыбки матери и ещё более редкие — отца; вспомнила, как слетались к ней птицы, как грохотали её сны, и теперь она точно знала, что это за большая, мерцающая на солнце, бесконечная вода. В её сны приходило море. Огонек разгорелся ярче. Глыба таяла, становясь всё меньше, но, что странно, ни капли не упало на землю. И вот уже можно было различить в тёмном пятне птицу. Девочка протянула к ней руки, прижала к себе, словно самое ценное сокровище. Птица подняла голову и открыла глаза — тёмные бусины, полные тоски и ярости такой силы, что девочка не устояла на ногах. Она упала, разжав руки, и наполненная холодным гневом птица поднялась в небо. Пернатое сердце не билось, в этом девочка могла поклясться. Пусть она лишь недолго гладила перья, но девочка знала точно, что птица — это море; море, у которого люди отобрали душу. Много лет оно спало, а теперь проснулось и хотело забрать принадлежавшее ему по праву. Не осталось в нём ни милосердия, ни любви.

Собственное сердце девочки замерло, зато огонек внутри разгорелся во сто крат сильнее. Он тянулся к птице, как тянется к земле небо, как тянутся цветы к солнцу.

Птица подняла голову к бледному пятну солнца, закричала так, что больно стало даже линии горизонта. Потом птица опустилась чуть ниже и заговорила:

— Ты спасла меня, когда другие сдались. Увидела, когда прочие были слепы. Услышала, когда остальные сделались

глухи. Я заберу тебя в новый мир, укрою крыльями. И тот огонь, что теперь живёт у тебя внутри, погаснет. Утихнет. И будет только покой и шелест волн.

Девочка задумалась. Тело покрылось мурашками при одной мысли, что она упадет в глубокие воды и наконец-то услышит свои сны наяву. Но Девочка была праправнучкой людей, видевших, как горело море, правнучкой тех, кто победил смерть, внучкой тех, кто позволил себе поверить в жизнь и дочь тех, кто взрастил семена любви в суровой почве.

— Радость в одиночестве — почти горе. Счастьем нельзя одарить насильно. Спустишься ко мне. Ты просто не помнишь, каково это, быть живым.

Девочка закрыла глаза. Она была всего лишь человеком, потомком тех, чьи спины прямые, а слова редки. В ней едва-едва хватило места на огонь, куда ей принимать ещё одну ношу.

— Не донесу, — шепнула она, замерев и закрыв глаза. Но мысленно раз за разом обращалась к птице, просила, умоляла, обещала, и через какое-то время, может, в одно мгновение, а может, спустя вечность, почувствовала, как острые когти царапнули плечо, как память о высоких волнах и ветре, о тихой воде и штиле проникла внутрь. Плечам становилось легче, сердцу — тяжелее.

Девочка открыла глаза и, пошатываясь, отправилась в обратный путь. Под её ногами сухая земля становилась топкой.

Она шла из упрямства, потому что просто не могла не вернуться. Огонек грел её, птица говорила с ней. Они обнимали её тень, убаюкивали и давали сил на следующий шаг. И когда Девочка дошла до родных мест, то увидела, что ждут её на вершине обрыва, у края мертвого моря, родители и Старая Женщина. Девочка из последних сил улыбнулась, махнула им рукой, а после рассыпалась на сотни брызг, и каждая капля стала волной, а кости покрылись чешуёй, заскользив между камней, водорослей и ракушек. Большая вода вернулась к людям.

С тех пор море поет только её голосом.

Муж смотрительницы маяка

Полина Маламахова

Она даже на свадьбу пришла в старой рыбацкой куртке и резиновых сапогах. Подол белого платья был мокрым, зато голова в цветах. Нежно-розовые бутоны на тёмных крутых кудрях. Вот тогда в его сердце смешались навеки любовь и бездонный страх.

А друзья говорили: «Послушай, не будь дурным, не руби с плеча. У неё в мыслях плещется мировой океан, а в груди — свеча. Она бросит тебя ради моря и одиночества, у неё душа палача. Как возьмет, не вернется с того дальнего острова! Будешь ещё кричать».

Он смеялся: «Зато у неё в глазах навеки августа звёздный дождь. Зато точно знаю, она родит сына с отпечатком неба на радужке, а позже — дочь. Её свет согреет нас в самую тёмную, лютую снежную ночь. И полгода в глухой разлуке не сложно мне превозмочь».

Так и стало. Он крепко себя приковал к земле, она родила ему мальчика, девочек вышло две. А душа его лёгкая жила на своей волне, полной горячей соли, что положена женщи-

нам, служащим на маяке. Вся — сияние, вычисления, долгий сигнал, находящий его даже в самом глубоком сне.

Тосковал и выл, ради детей — внутри. Она там одна среди каменных стен, топких мыслей, острот ракушек. Господи, защити! Она делает дело, которое ему никогда не принять полностью, не понять, не перенести. Так муж женщины с маяка начал писать стихи.

Отправлял ей письма, чтобы не смела забыть людей. Пусть русалки. И в гости герои из разных чужих морей. Он ей слал фотографии быстро летящих к свободе троих детей. Говорил, о том, как чувства его с каждым днем становятся лишь сильнее.

Возвращалась к семейному очагу и месяца два жила как примерная мать, невестка, подруга, сестра, жена. Но он видел, как лунный блик на воде лишает её сна, как чем дольше проводит время за стенами, тем больше внутри мертва. Ей не надо долго на суше, чтобы достигнуть дна.

И текли года, пролетел почти целый век. Он старел, он смотрел как меняется человек, как рождаются внуки, как легко разбирают барьеры, обгоняя времени вечный бег. Они вместе ходили по берегу, смотрели закатный свет. Он не мог жить лучше, ведь большего счастья нет.

А она? А она оставалась прекрасной и молодой, светлокожей, не тронутой сединой. Оставалась сердцем моря, мелодией и струной. Маяком всем идущим по водам, следом за их мечтой. Зажигающей свет в час гибели роковой. И ему навсегда, в жизни, в вечности — верным выбором и судьбой.

Песня жены моряка

Наталья Пилипенко

Внемля чаячьей печали,
Бились волны между скал.
Поутру в морские дали
Лёгкий парус ускользал.

И не шуясь, глядя в стёкла,
Искажающие свет,
Кто-то уезжал надолго,
Кто-то плакал, кто-то нет...

Дрейф под северным сияньем.
Сердце, бешено стуча,
Измеряет расстояние
До зелёного луча.

Шторм Бискайского залива,
Двое суток не до сна.
Раскачала борт игриво
Изумрудная волна.

Парус сник, экватор пройден,
Горизонт провёл черту.
Средь десятка малых родин
Лишь одна в родном порту.

Позабыв про путь свой странный
В незнакомые места,
Жаждал он звезды Полярной
Вместо Южного Креста.

Пел он песни о скитальцах,
Вечных пленных глубины.
Это слезы в сжатых пальцах
Или брызги от волны?

Где-то берег с огоньками.
Где-то берег без огней.
Море стачивает камень.
Ночи стали холодней.

Стынет ночь в немом укорё,
Ветер прячется в трубе.
Он вернётся — скажет море,
— Но вернётся не к тебе.

Поэзия

Юлия Васильева

Перед рассветом

На ваших пальцах синий след чернил,
И снова не дописана страница...
Короткий миг, как в мраморе, застыл
В попытке начертить свою границу,
Поставить точку, не узнав финал,
Пропитанный молитвой и ветрами.
И не девятый пусть девятый вал
Захватит власть над дикими волнами,
Когда письму фрегатом прилетать,
Даря букеты незнакомых строчек,
А мой удел — читать-читать-читать
И узнавать ваш странный детский почерк,
За горизонт стараясь заглянуть,
Ослабить шкоты, повинуюсь ветру,
Над вахтенным журналом не уснуть,
Рассчитывая путь до сантиметра
По звёздам — так надежней и верней,
Ведь врать они веками не умели,
Достигнуть долгожданных рубежей
И обойти все отмели и мели...

Ожидание

Знать каждый шрам как собственную тень
И отличать хоть ночью не на ощупь,
Ждать каждый миг, а, может, час и день,
Какие знаки море наполощет:
Что выкинет, превратностью Судьбы
Прикрывшись, словно солнце облаками,
И заговором черной ворожбы
Запутает, как сладкими словами,
Поманит, парусами побелев...
И вы уйдёте, не сказав ни фразы,
Даря возможность ладно, нараспев
Придумывать свои молитвы сразу.
...И возвратитесь — как всегда, не в срок —
К порогу ожидающего дома,
Представив шанс — на будущее, «впрок»
Запомнить шрамы — те, что незнакомы.

Волны о камни не разбиваются,
Они их обнимают —
По-волновьи отчаянно,

Каждой каплей, каждой молекулой,
Ласкают стройно, нелепо ли,
Шумно, щемяще, мятежно,
Самоотверженно-нежно,
Не сбиваясь с пути,
Чтобы снова уйти...

...Не оглядываясь, но...
...с возвратом.

Дыши

Ирма Гиоргадзе

*Я пытаюсь разучиться дышать
Чтоб тебе хоть на минуту отдать
Того газа, что не умели ценить
Но ты спишь и не знаешь
И. В. Кормильцев*

...зябко. Вода давно остыла до градусов, несовместимых с жизнью, но мне сказали, в лодке ещё должно быть тепло. Я стою на берегу, у самой кромки, насколько позволяет волна, вглядываясь в туманный горизонт, и не могу пошевелиться. Море лютует, показывая нам, кто есть кто. Где-то за спиной люди, много людей. В параллельной вселенной там военная база, а сейчас ещё и штаб по спасательной операции. Меня ободряют: всё обязательно будет хорошо. У меня нет сил отвечать, я хочу не дышать, сохраняя наш общий воздух.

Любимый, я буду здесь, ждать тебя и верить.

Ты обязательно найдешь выход, ты же всегда находил. Даже когда мама сварила зелёный борщ, а ты забыл сказать, что у тебя аллергия на щавель. Или когда мы пошли в поход и забыли в автобусе спальники.

Ты чинил эту лодку множество раз, починишь и сейчас. Ты знаешь её, будто собрал сам.

Главное, чтобы хватило воздуха.

Я помогу его сберечь...

...сберечь его. Твой образ. Кажется, теперь только он сохраняет во мне силы не сдаться. Пытаюсь представить, почувствовать твоё теплое дыхание, сквозь сталь обшивки, сквозь толщу воды. Когда я держал твоё лицо в своих ладонях, когда ты едва касалась моих губ своими, и этот вдох, один на двоих, был бесконечен. Но холод уже проник внутрь, сковывая движения, затуманивая разум. За переборкой полный отсек воды и глухой стук. Раз в десять минут ребята с камбуза дают знать, что живы. Я стучу в ответ. Я тоже. Ещё жив. Удар пришелся на носовой отсек. Торпедный отсек, скорее всего, затоплен, ребята уйти не могут. А я могу, но не пойду. Я перепробовал всё, что мог, пытаюсь придумать, как подать сигнал на сушу. Я знаю эту лодку как родную. Каждый винтик, каждый провод, каждый шов. Чувствую её боль как собственную. Она стонет, скрежещет, сопротивляясь давлению, моля о помощи. Дэн, будь ты сейчас рядом, а не в носовом, что бы предложил? Чертова переборка. Медлить больше нельзя, Голова, пора отправлять спаскамеру вверх. Едкие мысли обжигают мозг и следующий удар в переборку я быю не кувалдой. Боль в разбитом кулаке пронзает тело, отрезвляя сознание. Резким движением я выпускаю спасательную камеру на поверхность. Она уплывает без меня, но теперь маячок подаст сигнал. Я знаю, родная,

ты поймешь. Я не могу иначе. Кто-то должен менять патроны в системе регенерации, или остальные задохнутся уже через два часа. Выбор без выбора. Я стучу остальным, что маячок уплыл. Дэн стучит в ответ «идиот». Кажется, вся толща Балтийского моря наваливается мне на глаза. Теперь, когда я ничего не могу изменить, остается только ждать. Недостаток воздуха дает о себе знать, увлакивая в сон, окутывая волной воспоминаний. Смешно. Вспомнил, как нашим первым летом кормил тебя мороженым с ложки. Как доигрался, и кусок пломбира шмякнулся тебе прямо на нос. Думал, будешь ругаться. Ты так хохотала. Заливисто... Тепло... Не спать, мичман Головин, отзовись матросам, пусть знают, что всё под контролем. Под контролем... тьфу, посудина галимая. Знато же тебе досталось! Отставить сон! Я вдруг замираю. Слышу, будто где-то ты поешь.

...день за днём с суровым штормом споря...

Ты стеснялась ещё, говорила, она народная, песня эта, но я знаю, догадываюсь, она твоя... Наша... Я лежу у тебя на коленях, ты гладишь мои волосы. Я только немного... прикорну...

Стук вырывает меня из забвения. Испугались хлопцы, что не отвечаю, стучат не переставая. Нахожу себя на полу. Сколько я проспал? Стучу в ответ. Держимся. Нас найдут. Точно найдут. Живыми бы...

Холодно, как в тот день, когда мы потеряли спальники. Помню, как ты тогда дрожала, а я пытался согреть тебя сво-

им теплом. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, смотрели на звезды. Ты сказала, что никогда не забудешь ту ночь. Я тоже. Никогда... Очнись, Голова! Прочь панику. Хочется кричать, но я молчу, да и сил на крик ни хрена не осталось. Мне кажется, я слышу твой голос, манящий, тёплый... Галлюцинации?.. Похоже, воздуха все меньше. Да, пора менять патрон. Господи, как холодно. Мертвецки холодно...

...холодно. Кто-то принес мне одеяло, и я вдруг поняла, как замерзла. Солнце будто нарочно торопится упасть сегодня раньше обычного. Я понимаю, вы этого не заметите, но для меня с наступлением темноты как будто уходит надежда. Мы всегда так любили море, задыхаясь каждый раз вдаль. Наши волосы вкуса соли, глаза цвета волны в закат, оно не обидит, не заберёт тебя, не поглотит. Крик срывается с губ. Не сдержала, прости. Ты говорил, в лодке спокойно, как дома. Рассказывал, что боишься летать, потому что самолёт поднимается на высоту в несколько километров, а лодка опускается всего-то на четыреста метров. Только Денис мешает постоянными шуточками, которые ты уже выучил наизусть. Вдвоем вы обязательно что-нибудь придумаете, я знаю. Уже придумали. Мне сказали, воздуха осталось максимум на несколько часов, но я не верю. Я им не верю...

Помнишь, когда что-то шло не по плану, ты приходил и клал голову мне на колени? Я перебирала руками твои волосы и тихо напевала нашу песню...

...в тех краях, где солнце гаснет в море,
я узнаю по соленым брызгам,
что вернётся мой любимый вскоре...

И всё обязательно налаживалось. Я здесь, родной, перебираю твои волосы и тихонько пою. Слышишь? Мой голос летит над водой, опережая ветер и быстрых чаек. Даже волны как будто стихли к ночи, освобождая ему путь.

...день за днём с суровым штормом споря...

Слушай меня, думай, борись, главное — не засыпай. Нам нельзя терять ни минуты. Вас уже ищут, квадрат за квадратом, но тебе надо придумать, как поднять ее на поверхность. Денис всегда шутил: не бывает безвыходных ситуаций, даже из подводной лодки есть куча выходов. Я молю тебя, ищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.